

Научная статья

УДК 347.4

DOI 10.52070/2500-3488_2023_1_846_86

Смарт-контракт: отдельные проблемы определения и правовой регламентации

И. И. Василишин¹, А. П. Назинцева²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vasilishin@linguanet.ru

²Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Одинцовский филиал, Одинцово, Россия
a.nazintseva@odin.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления и широкого проникновения в общественные отношения смарт-контрактов, концепции, объясняющие их правовую природу, доктринальные взгляды на модели правового регулирования, используемые в зарубежных правовых системах и в Российской Федерации. При наличии различных подходов в оценке исследуемого феномена внимание авторов в большей степени сконцентрировано на его характеристике как особого вида гражданско-правового договора.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровой код, правовая природа, договор, электронная форма, технология блокчейн, автоматическое исполнение обязательства, информационная система

Для цитирования: Василишин И. И., Назинцева А. П. Смарт-контракт: отдельные проблемы определения и правовой регламентации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. Вып. 1(846). С. 86–91. DOI 10.52070/2500-3488_2023_1_846_86

Original article

Smart Contract: Some Problems of Definition and Legal Regulation

Ivan I. Vasilishin¹, Anastasiya P. Nazintseva²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vasilishin@linguanet.ru

²Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo, Russia
a.nazintseva@odin.mgimo.ru

Abstract. The article discusses the issues of the formation and widespread penetration of smart contracts into public relations, concepts explaining their legal nature, doctrinal views on the models of legal regulation used in foreign legal systems and in the Russian Federation. Given the variety of different approaches to the assessment of the phenomenon under study, the author focuses his attention on its characteristics as a special type of civil contract.

Keywords: smart contract, digital code, legal nature, contract, electronic form, blockchain technology, automatic fulfillment of obligations, information system

For citation: Vasilishin, I. I., Nazintseva, A. P. (2023). Smart contract: some problems of definition and legal regulation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 1(846), 86–91. DOI 10.52070/2500-3488_2023_1_846_86

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время смарт-контракты являются своего рода революционным явлением, уже оказывающим значительное влияние на современные договорные отношения, хотя в правовом плане регламентированным явно недостаточно. При этом эксперты (как в сфере информационных технологий, так и в сфере юриспруденции) едины во мнении, что технология под названием «смарт-контракт» будет и дальше активно применяться не только с целью создания оптимальных условий для ускорения, удешевления, облегчения транзакций между участниками гражданского оборота, но и с целым рядом других целей, включая борьбу с коррупцией, бюрократизмом в механизме государств.

ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТОВ, ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИХ ПРИМЕНЕНИЕМ

Значительная часть правоприменителей воспринимает исследуемый феномен как абсолютно новый, поскольку широко распространено мнение о его появлении всего несколько лет назад. Однако первое упоминание термина приходится на 1990-е годы, и его связывают со специалистом в области IT-технологий, криптографии и права Ником Сабо, определившим смарт-контракт как «электронный алгоритм, компьютеризированный протокол, предназначенный для автоматизации процесса исполнения контрактов в блокчейне»¹, а также проиллюстрировавший работу смарт-контракта с помощью примеров из повседневной жизни, обозначая их «примитивными предками смарт-контракта» (например, торговый автомат при получении нужной суммы денег следует заложенной в его системе программе по передаче товара покупателю).

В настоящее время смарт-контракты востребованы и широко представлены в общественных отношениях. Так, начиная с 2017 года, одна из крупнейших в мире страховых и инвестиционных компаний AXA Group несколько лет использовала смарт-контракты для выплаты возмещений за задержку рейсов более, чем на два часа²; в России тренд на смарт-контракты поддержали крупные компании («Газпромнефть-Аэро», S7 Airlines и Альфа-банк), прибегнув к упомянутой технологии для проведения оплаты за топливо непосредственно в момент

заправки воздушного судна³; в провинции Китая Сычуань в 2022 г. один из системно-значимых банков Bank of China тестировал ввод технологии смарт-контрактов для проведения оплаты внеклассных занятий школьников родителями в целях упрощения процедуры возврата средств за пропущенные занятия⁴.

Как верно подметил А. И. Савельев, концепция «умных» контрактов (а именно таковыми они являются в переводе с английского) «зародилась в параллельной, технической реальности, без оглядки на какие-либо правовые аспекты, подобно тому, как в свое время зарождался сам Интернет» [Савельев, 2016, с. 43]. И первое, на что приходится обращать внимание, – на отсутствие единства в понимании природы смарт-контрактов в доктринальном плане, как следствие – на разные подходы к моделям правового регулирования рассматриваемого феномена в законодательстве государств, взявшихся за эту непростую задачу.

С технической точки зрения смарт-контракт представляет собой некую программу (компьютерный протокол), которая выполняется не на локальном компьютере пользователя, а в самом блокчейне (распределенной базе данных, хранящей информацию о транзакциях), позволяет проводить сделки и контролирует их выполнение, самостоятельно отвечая на наступление определенных событий выполнением заранее заданных действий. Техническая сторона смарт-контракта проявляется в функционировании блокчейна, в самом коде, который исполняется при наступлении определенного события.

Однако, как считают многие исследователи, попытки регулирования общественных отношений компьютерным кодом, создание глобальных информационных систем, неподконтрольных государствам, таят в себе угрозу традиционным правовым системам, основным правам и свободам граждан⁵. И это одна из ключевых причин серьезного внимания юридического сообщества к исследуемой проблематике.

С учетом разных подходов к пониманию сущности смарт-контракта, нашедших свое отражение в законодательствах различных государств, ученые предпринимают попытки классификации таких подходов и выделяют три группы концепций, объясняющих природу смарт-контракта: техническую (рассматривает смарт-контракт как компьютерную программу); юридическую (природа

¹URL: <https://nakamotoinstitute.org/the-idea-of-smart-contracts/>

²URL: <https://www.ledgerinsights.com/axa-blockchain-flight-delay-compensation/>

³URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-october/1986863/>

⁴URL: <https://coingeek.com/china-bank-testing-e-cny-smart-contract-enabled-school-fee-payment-in-sichuan/>

⁵URL: <https://www.harvardmagazine.com/2000/01/code-is-law.html>

смарт-контрактов рассматривается с использованием юридических терминов, конструкций, объективного права в целом); смешанную (сочетает технологическую и юридическую стороны смарт-контракта) [Захаркина, 2020].

По сути, смарт-контрактом является соглашение между двумя и более лицами, заключенное с помощью языка программирования и направленное на установление, изменение или прекращение юридических прав и обязанностей. Это обстоятельство позволяет значительному числу исследователей говорить о смарт-контракте, прежде всего, как о сделке (договоре), в результате чего предлагаются к обсуждению следующие модели правового регулирования общественных отношений, связанных с применением смарт-контрактов:

- а) технико-ориентированная (смарт-контракт как компьютерная программа);
- б) сделко-ориентированная (смарт-контракт как договор, условие договора);
- в) смешанная модель (смарт-контракт одновременно как программа и как договор) [Зайнутдинова, 2021].

При этом, конечно же, следует учитывать целый ряд особенностей смарт-контрактов: их форма принципиально отличается от привычной нам в настоящее время классической письменной формы договора (при создании смарт-контрактов разработчики используют различные высокоуровневые языки программирования, которые зависят от платформы исполнения – Ethereum, BlockStream, EOS, Hyperledger Fabric, Nem, Quorum, Waves и др.); компьютерная программа (которой фактически является смарт-контракт) самостоятельно следит за наступлением (или ненаступлением) определенных условий, что определяет еще одно его наименование – «самоисполняемый контракт» (анализируя правовую природу смарт-контракта, давая оценку многим его характерным признакам и, прежде всего, «самоисполняемости», ученые-юристы соглашались с тем, что смарт-контракт является программным средством для автоматического исполнения договора, хотя некоторые из них настаивают на том, что «его основным языком должен выступать язык применимого права», а «самоисполнение договора – иллюзия» [Цепов, Иванов, 2022, с. 149]).

Оценка исследуемого феномена как договора – это только один их подходов, способ его исполнения, способ обеспечения исполнения обязательства, техническое явление, не подпадающее под известные юридические конструкции [Чельшева, 2022]. При таком разбросе мнений не удивительно, что споры о правовой природе смарт-контракта, как и о целом ряде сопутствующих вопросов, не прекращаются (отметим

публикации В. С. Белых, А. А. Волос, Л. Г. Ефимовой, Е. В. Зайнутдиновой, А. И. Савельева, А. Ю. Чурилова и других ученых).

Особый интерес вызывает дискуссия, развернувшаяся вокруг идеи о смарт-контракте как гражданско-правовом договоре.

Сторонники рассмотрения смарт-контракта как договора подчеркивают, что его, ввиду возможности применения к различным типам договоров, аналогично тому, как заключаются опционный, рамочный или абонентский договоры, можно назвать специальной договорной конструкцией [Ахмедов, 2020]. По мнению А. Ю. Чурилова, «в результате заключения договора действительно возникают права и обязанности», а стороны, совершая определенные действия, намереваясь заключить смарт-контракт, «выражают свою волю на достижение соглашения, что свидетельствует о волевом характере этих действий» [Чурилов, 2020, с. 27].

Ряд ученых представляют смарт-контракт как «качественно новое явление, бросающее вызов классическим доктринам договорного права» [Савельев, 2017, с. 100], которое, к тому же, имеет смысл только в силу использования криптовалюты, являющейся, в свою очередь, цифровым активом, циркулирующим на блокчейн-платформе. Другая их часть категорически не согласна с тем, что смарт-контракт является «концом эпохи классического договорного права» [Волос, 2018, с. 7].

По мнению еще одной группы исследователей, смарт-контракты нельзя считать договорами, потому как их содержательная характеристика (о невозможности их изменения и расторжения) противоречит положениям законодательства (главе 29 Гражданского кодекса Российской Федерации (*далее* ГК РФ) [Камалян, 2019].

Е. А. Громова подчеркивает, что «смарт-контракт представляет собой нечто более масштабное и сложное, нежели просто классический договор в электронной форме» [Громова, 2018, с. 36], потому как в нем заложен механизм самостоятельного принятия решений при наступлении определенных условий, тогда как стороны классических договоров, заключенных в электронной форме, собственными силами обеспечивают выполнение своих обязательств, а значит на данном этапе отождествлять смарт-договоры и гражданско-правовые договоры будет неверно.

К. М. Арсланов утверждает, что смарт-контракт не следует рассматривать только как код, закрепленный в блокчейне, или как договор. При этом ученый не видит острой необходимости в четком правовом определении феномена ввиду невозможности урегулирования постоянно развивающихся технологий [Арсланов, 2021].

Важно отметить, что и среди зарубежных авторов единство мнений отсутствует. Поэтому при наличии такой обширной научной полемики вокруг общественных отношений, связанных с использованием смарт-контрактов, вполне закономерно, что законодательство разных стран не отличается стройностью и однообразием: одни государства идут по пути создания новой нормативно-правовой базы, принятия специальных законодательных актов, внесения изменений в действующее законодательство, тогда как другие применяют к смарт-контрактам уже существующие законы, общие положения договорного права, нормы схожих правовых институтов, разъяснения регулятора о применении действующего законодательства и т. п. [Зайнутдинова, 2021]. Законодатели ряда стран предприняли попытку дать легальное определение смарт-контракта (Республика Беларусь, Италия, некоторые штаты США – определив его либо как программу (программный код), либо как договор, который заключается в электронной форме и исполняется посредством функционирования компьютерной программы); большинство же современных правовых систем не содержит норм, определяющих смарт-контракт, что абсолютно не означает отсутствие правового регулирования соответствующих отношений: например, во Франции общественные отношения, связанные с использованием смарт-контрактов, регулируются, главным образом, общими положениями договорного права [Ефимова, Михеева, Чуб, 2020].

Отечественный законодатель не находится в стороне от происходящих преобразований и также прошел свой путь нормотворчества. На протяжении ряда лет имели место попытки сформулировать и законодательно закрепить понятие смарт-контракта. Так, первой редакцией проекта закона 2018 года¹ (ст. 2) предлагалось определить его как «договор в электронной форме...», однако уже в третьей редакции законопроекта (от 21.07.2020) исчезает не только определение, но и само упоминание дефиниции.

Свою лепту в работу над определением смарт-контракта вносит Центральный банк РФ, рассматривая его как договор², сделку³.

Однако легального определения рассматриваемому понятию российский законодатель пока

так и не выработал, последовательно продолжая работать в этом направлении: Федеральный закон 2019 г. № 34-ФЗ не только закрепил понятие «цифровое право» (ст. 141.1 ГК РФ), но и внес в ГК РФ ряд новелл, содержательно тесно связанных со смарт-контрактами – ч. 2 п. 1 ст. 160, ч. 2 ст. 309, ч. 2 ст. 4345; в пп. 9 п. 1 ст. 3 Федерального закона 2020 г. № 259-ФЗ закреплена норма об «Использовании для выпуска цифровых финансовых активов сделок, предусматривающих исполнение сторонами возникающих из них обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательств отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий (в случае использования таких сделок)».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в настоящее время в законодательстве Российской Федерации легальное определение смарт-контракта отсутствует, имеют место острые и интересные научные дискуссии о правовой природе данного феномена, моделях правового регулирования общественных отношений с их применением. В связи с этим очевидна необходимость учета трансграничного характера цифровых технологий, изучения зарубежного опыта, требуется переосмысление существующих в разных правовых порядках моделей правового регулирования.

По нашему мнению, при всем многообразии подходов к определению природы смарт-контракта следует обратить внимание на его рассмотрение как заключаемого и автоматически исполняемого с использованием информационной системы особого вида гражданско-правового договора, условия которого определяются как на языке права, так и на языке программирования, а содержание составляет программный код, обеспечивающий исполнение договора.

¹Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»

²В пояснительной записке к Федеральному закону от 18.03.2019 № 34-ФЗ механизм действия смарт-контрактов разработчиками определен следующим образом: «После идентификации пользователей в информационной системе дальнейшее их поведение подчиняется алгоритму компьютерной программы. Лицо, приобретающее цифровое право, получит этот объект автоматически при наступлении определенных обстоятельств. Сделка будет исполнена без дополнительных распоряжений сторон: у продавца будет списано цифровое право, а у покупателя деньги. Таким образом, воля лица, направленная на заключение договора, включает в себя и волю, направленную на исполнение обязательства».

³Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

¹Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018)

²Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (13.10.2020), утв. Банком России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/

³Концепция цифрового рубля (апрель 2021 г.), подготовлена Банком России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.
2. Захаркина А. В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 1. С. 66–82.
3. Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 25–32.
4. Цепов Г. В., Иванов Н. В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149–172.
5. Чельшева Н. Ю. Концепция правового регулирования смарт-контракта в гражданском праве // Право и экономика. 2022. № 7. С. 32–36.
6. Ахмедов А. Я. К вопросу о признаках смарт-контракта // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 22–25.
7. Чурилов А. Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта // Юрист. 2020. № 7. С. 25–30.
8. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.
9. Волос А. А. Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5–7.
10. Камалян В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов // Юрист. 2019. № 4. С. 20–27.
11. Громова Е. А. Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности // Право и цифровая экономика. 2018. № 2. Т. 2. С. 34–37.
12. Арсланов К. М. Смарт-контракт: вид классического договора, компьютерная программа (код) или электронная форма договора? // Гражданское право. 2021. № 6. С. 18–23.
13. Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105.

REFERENCES

1. Savel'yev, A. I. (2016). Contract Law 2.0: Smart Contracts as the beginning of the End of Classical Contract Law. Vestnik grazhdanskogo prava, 3, 32–60. (In Russ.)
2. Zaharkina, A. V. (2020). Smart contract in the context of the formation of the regulatory platform of the ecosystem of the digital economy of the Russian Federation. Perm University Herald. Juridical Sciences, 1, 66–82. (In Russ.)
3. Zajnutdinova, E. V. (2021). Models of legal regulation of a smart contract: general and special. Law Journal of the Higher School of Economics, 3, 25–32. (In Russ.)
4. Cepov, G. V., Ivanov, N. V. (2022). Towards the Civilistic theory of Smart contracts. Zakon, 3, 149–172. (In Russ.)
5. Chelysheva, N. Y. (2022). The concept of legal regulation of a smart contract in civil law. Pravo i ekonomika, 7, 32–36. (In Russ.)
6. Akhmedov, A. Y. (2020). On the question of the signs of a smart contract. Pravovaya politika i pravovaya zhizn', 2, 22–25. (In Russ.)
7. Churilov, A. Y. (2020). On the problem of the concept and legal nature of a smart contract. Yurist, 7, 25–30. (In Russ.)
8. Savel'yev, A. I. (2017). Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law. Zakon, 5, 94–117. (In Russ.)
9. Volos, A. A. (2018). Smart contracts and principles of civil law. Rossiyskaya yustitsiya, 12, 5–7. (In Russ.)
10. Kamalyan, V. M. (2019). The concept and legal features of smart contracts. Yurist, 4, 20–27. (In Russ.)
11. Gromova, Y. A. (2018). Smart contracts in Russia: attempt to determine the legal essence. Law and Digital Economy, 2(2), 34–37. (In Russ.)
12. Arslanov, K. M. (2021). Smart contract: a type of classical contract, a computer program (code) or an electronic form of contract? Civil Law, 6, 18–23. (In Russ.)
13. Efimova, L. G., Miheeva, I. E., Chub, D. V. (2020). Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries. Law Journal of the Higher School of Economics, 4, 78–105. (In Russ.)

Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Василишин Иван Иванович

кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Института международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета

Назинцева Анастасия Павловна

преподаватель кафедры английского языка в сфере юриспруденции
Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений
МИД Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasilishin Ivan Ivanovich

PhD (Law), Associate Professor
Head of the Civil Law Department
Institute of International Law and Justice
Moscow State Linguistic University

Nazintseva Anastasiya Pavlovna

Lecturer in the Department of English in the field of jurisprudence
Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	20.10.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.11.2022	approved after reviewing
принята к публикации	07.11.2022	accepted for publication